

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
В ЛИТЕРАТУРЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ.
К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА**

ALEXANDER PUSHKIN IN NORDIC LITERATURE.
DEDICATED TO THE 220th ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF THE POET

©Иллюстрации Евгении Двоскиной

НОВИКОВА Ярослава Владимировна / NOVIKOVA Iaroslava

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

ya.novikova@inbox.ru

ПУШКИН В ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

PUSHKIN IN FINNISH LITERATURE

Abstract: The paper deals with the history of translating Alexander Pushkin's literary works into Finnish. The focus is on the circumstances of the release of translations, the personality of translators, and reception of the translations by critics. The analysis of the solutions, made by the translators of *The Captain's Daughter* into Finnish, is given in the second, analytical part of the paper.

Ключевые слова / Keywords: А. С. Пушкин, финская литература, переводы, «Капитанская дочка», теория нового перевода / Alexander Pushkin, Finnish literature, translations, *The Captain's Daughter*, retranslation theory

Вехи в истории переводов

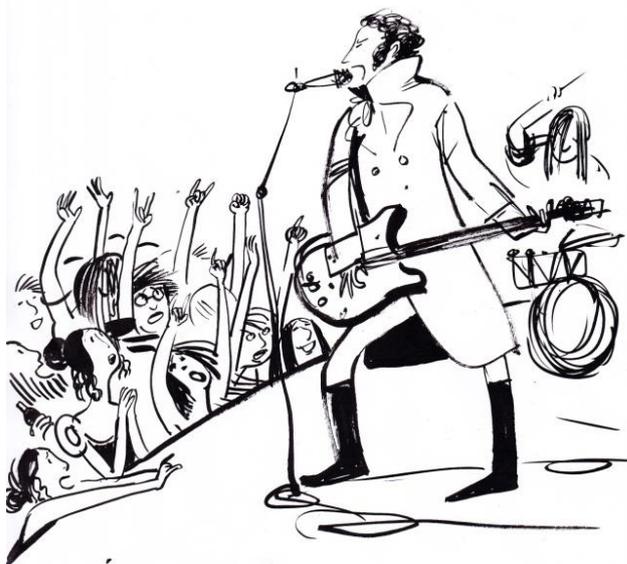
В 40-х гг. XIX в. национальный финский философ и фенноман Й. В. Снельман (*J. V. Snellman*, 1806–1881) подчёркивал, что «непременным условием создания национальной литературы является использование опыта более развитых литератур мира. <...> Финнам нужно больше переводить лучших иностранных авторов, чтобы усвоить и научиться выражать на родном языке "чувства, образы и стремления нового времени"». Снельман имел в виду переводы на финский язык¹.

Тем не менее, как отмечает специалист по литературе Финляндии Э. Г. Карху (1923–2008), в первой половине XIX в. финнам приходилось читать иностранных авторов, в том числе и русских, в шведских, а не в финских переводах. Так, в Швеции вышли переводы «Ивана Выжигина» (1830) и «Дмитрия Самозванца» (1838) Ф. Булгарина, «Ледяной дом» И. Лажечникова (1840). В начале 1840-х гг. в Стокгольме вышли переводы повестей А. Марлинского «Аммалат-бек», «Мулла-Нур», «Роман и Ольга», «Латник». Некоторые из этих произведений были

¹ Цит. по: Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия: 1800–1850. Таллин, 1962. С. 272–273.

переведены Отто Мёрманом (*Otto Meurman*), преподавателем русского языка в Гельсингфорсе. Он также перевёл на шведский язык «Капитанскую дочку» (1841) и «Героя нашего времени» (1844), причём последний роман был издан в Гельсингфорсе. В Финляндии в переводе отдельными изданиями вышли также повести «Наденька» Н. Кукольника (Гельсингфорс, 1846), «Кокетка» А. Рахманного (Выборг, 1846), роман М. Загоскина «Рославлев» (Або, 1850)². Преподававший в 1830-х гг. в Финляндском кадетском корпусе Фредрик Сигнеус (*Fredrik Cygnaeus*) в 1833 г. опубликовал свой перевод на шведский язык стихотворения Пушкина «Галисман»³. В том же году появился перевод «Цыган». Сигнеус и будущий национальный поэт Финляндии Й. А. Рунеберг (*J. L. Runeberg*, 1804–1877), каждый в отдельности, перевели в 1841 г. стихотворение «Ворон к ворону летит»⁴. В 1825 г., спустя лишь несколько лет после выхода оригинала, был опубликован перевод на шведский язык поэмы Пушкина «Кавказский пленник», выполненный Ф. А. фон Платеном (*F. A. Von Platen*). Во время Русско-шведской войны 1808–1809

Пушкин
Песни западных славян

гг. Платен был взят в плен и впоследствии несколько лет проработал в Петербурге чиновником по делам Финляндии⁵. В 1841 г. в газете «Хельсингфорс Моргонبلاد» (*Helsingfors Morgonblad*) вышли выполненные Юлиусом Лундалем (*Julius Lundahl*) переводы песен «Видение короля», «Песнь о Георге Черном», «Сестра и братья» и «Влах в Венеции» из пушкинского цикла «Песни западных славян»⁶.

Первые переводы русской литературы на финский язык были опубликованы в газетах фольклориста и фенномана К. А. Готлунда (*K. A. Gotlund*) «Суомалайнен» (*Suomalainen* — «Финн») и «Суоми» (*Suomi* — «Финляндия»). Речь идёт о переводах очерка В. Даля «Чухонцы в Петербурге» (1846), повести В. Одоевского «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия» (1847), повести Н. Кукольника «Эрик Сильвановский, или завоевание Финляндии во

² Там же. С. 273–274.

³ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus // Suomennoskirjallisuuden historia / Toim. Riihonen H. K. et al. Helsinki, 2007. Vol. 2. S. 189.

⁴ Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. С. 275.

⁵ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 189.

⁶ Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. С. 275.

времена Петра Первого» (1848, 1849), отрывков из книги Я. Грота «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео» (1847)⁷.

Таким образом, русская литература переводится на финский язык уже более 170 лет. Темп переводам задавали политические отношения между Финляндией и Россией/СССР. Интерес к языку, культуре и литературе восточного соседа был то слабым, то целенаправленным и оживлённым. В русской литературе финны также ищут объяснение тому, что такое русская душа и ментальность, и сквозь призму литературы интерпретируют поворотные моменты российской политической истории. Прочтение и передача русской литературы как части европейской литературной традиции — более редкое явление, хотя и небезызвестное⁸.

Владение русским языком в Финляндии находится на незначительном уровне, если учитывать соседское расположение стран. Однако переводчики с русского были всегда. Многие из них выучили русский язык и познакомились с русской культурой ещё в детстве: дома говорили на русском, семья жила в России, в том числе в Ингерманландии. Часто сведения о русской литературе достигали Финляндии через Скандинавию и другие европейские страны быстрее, чем напрямую из России⁹. Так, Э. Г. Карху отмечает, что «ещё со времён Портана (видный финский деятель эпохи Просвещения. — Я. Н.) финны нередко читали русских авторов в немецких и французских переводах, с которых позднее стали переводить и на шведский язык»¹⁰.

Русский язык начали преподавать в университете после присоединения Финляндии к Российской империи в статусе Великого княжества Финляндского. В начале 1840-х гг. профессором истории России, русского языка и литературы Императорского Александровского университета стал петербуржец Яков Грот (1812–1893). Грот представил российской читательской аудитории творчество Й. Л. Рунеберга и карело-финский эпос «Калевала»¹¹. Карху пишет: «Грот, а через него Плетнев (П. А. Плетнёв, 1792–1865, критик, поэт, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета. — Я. Н.), много сделали для пропаганды русской литературы и прежде всего Пушкина в Финляндии. Грот читал лекции о поэте и радовался, когда студенты увлекались пушкинскими стихами». Ещё в студенческие годы, в третьем десятилетии XIX в., будущий создатель эпоса «Калевала» Элиас Лённрот (*Elias Lönnrot*, 1802–1884)¹² переписывал на языке оригинала стихи Пушкина «Черная шаль» и «Утопленник»: «В пушкинской поэзии внимание финнов долгое время приковывали те её стороны, которые прямо

⁷ Там же. С. 286, 290.

⁸ *Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus*. S. 189.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. С. 273–274.

¹¹ *Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus*. S. 189–190.

¹² См.: *Majamaa R. Lönnrot, Elias (1802–1884) // Kansallisbiografia* [Электронный ресурс]. 1997. 16. syyskuuta. URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2836> (30.09.2019).

или косвенно могли быть согласованы с романтическими веяниями, как они воспринимались в Финляндии»¹³.

Общество финской литературы (*Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*) опубликовало в 1876 г. перевод на русский язык романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Переводчиком выступил Самули С. (*Samuli S.*). За псевдонимом скрывался сын переехавшего в Петербург финского ювелира Карл Густав Самули Суомалайнен (*Karl Gustaf Samuli Suomalainen*, 1850–1907). Значение Самули С. для истории переводов русской литературы на финский язык очень велико¹⁴. В конце XIX — начале XX вв. Суомалайнен, благодаря своему языковому чутью и всесторонней одарённости, задавал направление для всей переводческой работы того времени. Он один из тех немногих начавших свою деятельность в XIX в. переводчиков, чьё творчество по-прежнему читают и ценят. Одарённость ребёнка заметили в единственной финской школе Петербурга — приходской, — откуда его отправили учиться дальше в единственную на тот момент в Финляндии финноязычную общеобразовательную школу в г. Ювяскюля. В Гельсингфорсском университете он изучал впоследствии как гуманитарные, так и математические науки. В 1880–1906 гг. Суомалайнен преподавал математику и природоведение в педагогическом училище г. Сортавала. В том же городе он учредил и возглавил газету «Лаатокка» (*Laatokka* — «Ладога»), а также принимал участие в формировании фондов городской библиотеки. Помимо переводческой деятельности Суомалайнен писал также сам: он является автором как небольших рассказов и пьес, так и школьных тетрадей с упражнениями по математике¹⁵.

Будучи уроженцем Петербурга, Суомалайнен имел естественные связи с Россией. Он известен прежде всего как первый проводник в «странный мир» русской литературы. Его перевод романа «Капитанская дочка» был принят критиками с большой похвалой. В 1877 г. критик литературного альманаха «Кирьяллинен Куукауслеhti» (*Kirjallinen Kuukauslehti*) восхищался живым языком перевода и отмечал выбор в качестве переводчика Самули С. Как большую

¹³ Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. С. 275–276.

¹⁴ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 190.

¹⁵ Ibid.; Kivistö S., Paloposki O. Samuli Suomalainen (1850–1907) // Suomennoskirjallisuuden historia. Helsinki, 2007. Vol. 1. S. 207–211.

удачу¹⁶. Впоследствии перевод публиковался ещё четыре раза в виде отдельных изданий в 1910, 1922, 1949 и 1990 гг., а также был включён в антологию русской прозы, изданную в 1971 г. и переизданную в 1973 г.¹⁷

Особой благодарности удостоился выполненный Суомалайненом перевод романа Н. Гоголя «Мёртвые души» (1882), ставший классиком переводной финноязычной литературы. Литературовед-русист Пекка Песонен (*Pekka Pesonen*) называет этот перевод по-прежнему живым, богатым и едва ли не равным в языковом отношении оригиналу. Его новое издание вышло в 1977 г.¹⁸ Славу хорошего переводчика Суомалайнену удалось снискать довольно рано. Издательство «Отава» (*Otava*) использовало его имя как гарантию качества в своей рекламе, а критики постоянно упоминали в рецензиях «известное мастерство» Суомалайнена и «слаженность» его переводов¹⁹. Суомалайнену доверяли как читатели и издатели, так и писатели, которых он переводил. Он находился в личной переписке со многими авторами. Суомалайнен переводил быстро, однако это не сказывалось на качестве работы. Его можно охарактеризовать как творческого и органичного писателя, который использовал свободный, живой язык. В переписке он совсем не рассуждал о своих переводческих решениях. Возможно, он был из тех, у кого текст рождается естественно и без особой доработки. Его письма свидетельствуют о том, что он не всегда даже прочитывал оригинальный текст до конца, а сразу приступал к переводу²⁰.

Суомалайнен перевёл свыше 60 томов художественной и научно-популярной литературы, в том числе произведения Н. Гоголя, М. Горького, Дж. Свифта, И. Тургенева, Ж. Верна, А. Франса, Л. Толстого и Г. Уэллса. В период с 1872 по 1882 г. Суомалайнен выпускал одно–два художественных произведения каждый год. Помимо русских писателей в эти годы он переводил также Мольера, Б. Ауэрбаха и З. Топелиуса. Затем настал длительный период переводческого затишья, длившийся до 1898 г. Период характеризуется переездом в Сортавалу и получением там ответственных должностей, появлением семьи и накоплением долгов. Долги сопровождали Суомалайнена до конца жизни, как и болезни, что вынудило его впоследствии активно заниматься переводами и постоянно просить у издательств новую работу, которая прославила автора, хотя и не принесла богатства²¹.

¹⁶ Kivistö S., Paloposki O. Samuli Suomalainen (1850–1907). S. 208.

¹⁷ Puškinista Peleveniin: Venäläisen kaunokirjallisuuden suomennosten bibliografia 1876–2007 / Toim. B. Hellmann. Helsinki, 2008. S. 256–257.

¹⁸ Kivistö S., Paloposki O. Samuli Suomalainen (1850–1907). S. 208–209.

¹⁹ Ibid. S. 209.

²⁰ Ibid. S. 210.

²¹ Ibid. S. 208, 211.

1880-е гг. были временем очень активной переводческой деятельности, и произведения русской литературы начали рассматриваться как часть мировой литературы, которую в Финляндии необходимо было читать для развития своей национальной литературы. О расцвете русской литературы узнавали от финнов, учившихся в России, а также из Скандинавии, за литературой и критикой которой в Финляндии пристально следили. Так, датский литературовед Георг Брандес (*Georg Brandes*, 1842–1927) опубликовал в 1888 г. произведение «Русские впечатления», а годом ранее читал в Гельсингфорсе лекции по русской литературе, особенно отмечая значение Л. Толстого и Ф. Достоевского²². В это время были переведены произведения Гоголя «Тарас Бульба» (1878) и «Мертвые души» (1882) (переводчик Самули С.). С 1879 г., вследствие популярности в западноевропейских странах, активно переводился Тургенев. Однако в отношении творчества Пушкина переводческая деятельность после выхода в 1876 г. перевода «Капитанской дочки» практически прекратилась. В 1880-х гг. вышел только один перевод — «Пиковая дама» («*Patarowwa*», 1883), выполненный Мартти Вуори²³. Мартин (Мартти) Алексиус Берг-Вуори [*Martin (Martti) Alexius Bergh-Wuori*, 1858–1934], использовавший в своей литературной деятельности псевдоним Мартти Вуори (*Martti Wuori*), был финским чиновником, губернатором, писателем и переводчиком. Он окончил лицей в г. Ювяскюля. С 1880 по 1884 г. изучал русский язык в Московском университете. Степень магистра философии получил в Гельсингфорсском университете в 1890 г. С 1885 по 1903 г. работал чиновником в императорской канцелярии по делам Финляндии. С 1903 по 1905 г. занимал должность губернатора Куопиоской губернии. В 1905 г. был возведен в чин действительного статского советника²⁴. Мартти Вуори переводил русскую и французскую литературу, в том числе произведения М. Лермонтова, Л. Толстого, Г. де Мопассана, А. де Мюссе. Собственное литературное творчество Вуори представлено в основном пьесами.

В 1895 г. вышло сразу два перевода романа «Дубровский» — «*Aatelisrosvo Dubrowskij*» («Разбойник-дворянин Дубровский»), перевод Сасси (*Sassi*), и «*Dubrowski*», перевод Арвида Ярнефельта. Перевод Сасси был издан книжным магазином области Сатакунта (*Satakunnan kirjakauppa*) в г. Пори (Западная Финляндия) и включал 94 страницы²⁵. Перевод доступен в интернете, однако о самом переводчике информации нет. Он не упоминается также и в антологии «История переведённой

²² Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 190.

²³ Ibid. S. 190–191.

²⁴ Ylioppilasmatrikkeli 1853–1899 // Helsingin yliopisto [Электронный ресурс]. URL: <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=20380> (29.12.2019); Соини Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М., 2017. С. 80.

²⁵ Puškinista Peleveniin. S. 255–256.

на финский язык литературы»²⁶. Различия между переводами можно наблюдать уже в заголовках произведений. Сасси поясняет финскому читателю незнакомую реалию — иностранную фамилию, добавляя к ней сложное определение, указывающее одновременно на социальное происхождение и род занятий героя. Определение придумано переводчиком и свидетельствует о коммуникативной направленности перевода. Перевод Арвида Ярнефельта был опубликован издателями К. Ф. Виртамо и Й. Марккула (*K. F. Wirtamo* и *J. Markkula*) в г. Лаппеенранта (Восточная Финляндия) и включал 99 страниц²⁷. Ярнефельт отказался от стратегии экспликации. Что касается транслитерации имён, фамилий и названий, то во всех ранних переводах русской литературы на финский язык наблюдается значительная нерегулярность, что было обусловлено ориентацией переводчиков на разные способы передачи русских имён собственных в немецком, французском и шведском языках²⁸. В XIX в. написание *Dubrowskij* представляло шведскую и немецкую практическую традицию, *Dubrowski* — французскую (ср., например, передачу фамилии Чайковский на этих языках или перевод на них названия романа «Дубровский»). Выбор Сасси первого варианта был обусловлен, вероятно, географическим расположением региона, в котором вышел перевод. Западная Финляндия и физически, и культурно ближе к Швеции и Германии, чем к Санкт-Петербургу, поэтому её жители в XIX в., судя по принятому переводчиком решению, нуждались в подсказке относительно значения имени собственного, вынесенного в название произведения. Отказ от экспликации иностранной реалии и французское написание русской фамилии — стратегии, выбранные Арвидом Ярнефельтом, — объясняются биографией переводчика.

Родившийся в Пулково Арвид Ярнефельт (*Arvid Järnefelt*, 1861–1932), финский писатель, переводчик, юрист, мыслитель и самый известный «толстовец» в Финляндии, познакомился с русской литературой через свою мать Елизавету Константиновну Ярнефельт (*Elisabeth Järnefelt*, 1839–1929), принадлежавшую к дворянскому роду обосновавшихся в Петербурге балтийских немцев Клодтов фон Юргенсбургов. Елизавета Константиновна вышла замуж за обучавшегося в Петербурге финна Александра Ярнефельта, истого фенномана, и переехала с ним в Финляндию, где выучила финский — родной язык своих талантливых детей, среди которых критик, переводчик и преподаватель русского языка Каспер Ярнефельт, писатель и переводчик Арвид Ярнефельт, художник Ээро Ярнефельт, композитор и дирижер Армас Ярнефельт, а также ставшая впоследствии супругой Сибелиуса Айно Ярнефельт.

²⁶ Suomennoskirjallisuuden historia. Vol. 1–2.

²⁷ Puškinista Peleveniin. S. 256.

²⁸ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 195.

Во второй половине 1880-х гг. Александр Ярнефельт занимал пост губернатора г. Куопио. Елизавета Константиновна оказала значительное влияние на литературную жизнь города, бурно развивавшуюся в тот период, в частности выступая проводником русского реализма в Финляндию. Подружившись с финским писателем Юхани Ахо (*Juhani Aho*, 1861–1921), она пересказывала ему шедевры Гоголя, Достоевского, Пушкина и Толстого. Принимая участие в проводившихся в доме Ярнефельтов литературных беседах, известных в истории культуры Финляндии как «школа Ярнефельтов» и «салон Элизабет», Ахо познакомился с теорией реализма и понятиями «типов» и «типического», разработанными критиком В. Белинским. Очевидно, что русские типы стали прообразами народных персонажей произведений классиков финской литературы Ахо, Минны Кант (*Minna Canth*, 1844–1897) и Теуво Паккалы (*Teuvo Pakkala*, 1862–1925)²⁹. Географическое расположение издательства в Лаппеенранте, а именно близость многонационального столичного Петербурга и аристократической дачной культуры Карельского перешейка, вероятно, способствовало единодушию издателей и переводчика в вопросе выбора стратегии при переводе названия произведения.

Роман «Дубровский» был переведён ещё три раза: в 1911 г. — «*Dubrovskij*», пер. Тойво Т. Кайлы (*Toivo T. Kaila*); в 1962 г. — «*Dubrovskij*», пер. Юхо Холло (*Juhon Hollo*) (в составе антологии) и в 1971 г. — «*Dubrovskij*», пер. Тертту Эло (*Terttu Elo*) (также в составе антологии)³⁰. Во всех переводах романа, выполненных в XX в., наблюдается единообразие способа транслитерации, соответствующего современному международному научному стандарту³¹, и реалия в названии произведения не поясняется, что можно объяснить в том числе повысившейся со временем степенью освоенности в Финляндии реалий русской культуры.

Неприятие русской культуры и литературы, связанное с политическими событиями конца XIX — начала XX вв., а именно с политикой русификации Финляндии и постепенного лишения её привилегий автономии в составе Российской империи, очень скоро оборвало культурные связи и интерес к соседней стране после обретения Финляндией независимости³². Однако в 1920-х гг. переводы на финский язык русской литературы XIX в. ещё довольно активно издавались. Некоторые произведения переводились заново, некоторые прежние переводы выдерживали новые издания, например переведённый Самули Суомалайненом роман Пушкина «Капитанская дочка» издали в третий раз в 1922 г. После Суомалайнена также и другие дети работавших в Петербурге финнов-ремесленников

²⁹ Ibid. S. 191–192.

³⁰ Puškinista Peleveniin. S. 256–257, 260.

³¹ Jänis M. Venäjistä suomeksi ja suomesta venäjäksi. Helsinki, 2006. S. 79.

³² Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 196.

заялись активной переводческой деятельностью. Так, в 1920-х гг. выходят переводы романов Достоевского «Братья Карамазовы» и «Идиот», выполненные В. К. Трастом (*V. K. Trast*)³³. Для антологии «Золотая книга славянских литератур» (*«Slaavilaisten kirjallisuksien kultainen kirja»*), вышедшей в 1936 г., он переведёт стихотворения Пушкина «Телега жизни» (*«Elämän rattaat»*), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (*«Ehegi monumentun»*), «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье») (*«On mennyt nuoruusvuotten»*), «Поэту» (*«Runoilijalle»*), «Стансы» (*«Stansseja»*), «Зимний

вечер» (*«Talvi-ilta»*), «26 мая 1828» (*«Toukokuun 26 päivänä 1828»*), отрывок из романа в стихах «Евгений Онегин» (*«Jevgenij Onjegin»*) и трагедию «Моцарт и Сальери» (*«Mozart ja Salieri»*)³⁴. Русской литературе посвящена треть антологии, а тридцатистраничная вступительная статья Траста, освещающая развитие литературы в России и содержащая биографии писателей и перечни их наиболее важных произведений, оканчивается распространённой среди финских специалистов-русистов мыслью о том, что русская литература — ключ к пониманию русских³⁵. Окончив школу в Финляндии, Траст учился в Москве в

1902–1904 гг. Наряду с работой переводчиком он впоследствии преподавал русский, немецкий и финский языки в финских школах³⁶.

В закупках книг для библиотек также видна непопулярность переведённой с русского языка литературы. Если вплоть до 1910-х гг. доля такой литературы составляла 11% от всех закупок, то в 1920-х гг. показатель был уже 2%. В 1930-х гг. процент был ещё ниже. И если в 1920-х гг. русская классическая литература ещё продавалась, то в 1930-х гг. спрос на неё был очень низким³⁷.

Тем не менее в 1936 г. в издательстве «Отава» вышел перевод романа «Евгений Онегин» (*Jevgeni Onegin*), выполненный Лаури Кемиляйненем (*Lauri Kemiläinen*). На сегодняшний момент это единственный полный перевод произведения

³³ Ibid.

³⁴ Puškinista Peleveniin. S. 261–262.

³⁵ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 198–199.

³⁶ Ibid. S. 196.

³⁷ Ibid.

на финский язык, выпущенный в свет издательством³⁸. Он переиздавался в 1970 и 1999 гг.³⁹ Как пишет в своём блоге финский историк, доктор философии, директор Института Финляндии в Санкт-Петербурге в 1998–2000 гг. Тимо Вихавайнен (*Timo Vihavainen*), «перевод Лаури Кемияйнена отличный, хотя в сравнении с оригинальным произведением — лишь его бледная тень»⁴⁰. В своей книге исторических эссе «Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе» (2012) Вихавайнен так говорит о Пушкине: «Образ Пушкина в истории России может послужить хорошим исходным пунктом для рассмотрения характерных именно для российской культуры черт. <...> Для русского человека Пушкин отнюдь не был личностью, для которого писательский труд являлся средством к существованию, но некой творческой стихией, значение которой неизмеримо. Гениальность Пушкина, с точки зрения русского, не только человеческая, она божественная. Он — посредник, который пребывает в суровых местах обитания высочайшего мира, но при этом остаётся среди обычных людей — русских. Дар, талант неизменно вызывает в России интерес, но пусть остережётся кто-нибудь сказать русскому, что Пушкин был (только) талантом»⁴¹. В 2009 г. в формате самиздата вышел перевод «Евгения Онегина», выполненный Пирккой Пелтола (*Pirkka Peltola*).

В политизированной обстановке 1930-х гг. призыв лингвиста и переводчика Яло Калимы (*Jalo Kalima*, 1884–1952) не путать культуру и политику не нашёл отклика в среде специалистов. В 1935 г. в журнале «Кирьяллисуусলেখти» (*Kirjallisuussehti* — «Литературный журнал») была опубликована разгромная критическая статья левого журналиста и литературоведа Рауля Пальмгрена (*Raoul Palmgren*, 1912–1995), посвящённая учебнику по истории литературы за авторством Эйно Райло (*Eino Railo*, 1884–1948), доцента Университета Хельсинки. В сочинении Райло политические

³⁸ Ibid. S. 198.

³⁹ Puškinista Peleveniin. S. 256.

⁴⁰ *Vihavainen T. Tatjana // Vihavainen [Электронный ресурс]. 2015. 4. maaliskuuta. URL: <http://timo-vihavainen.blogspot.com/2015/03/tatjana.html> (29.12.2019).*

⁴¹ *Вихавайнен Т. Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе / [Пер. А. И. Рупасова]. СПб., 2012. С. 32. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=16121#t20c> (29.12.2019).*

тенденции десятилетия были доведены до крайности. Русской литературе в шестой части учебника, вышедшей в 1937 г., была отведена очень маленькая второстепенная роль, а, например, многословность персонажей романов Толстого и Достоевского характеризовалась Райло как русская, отрицательная черта⁴².

В 1943 г. была опубликована статья выдающегося библиотековеда Финляндии Хелле Каннила (*Helle Kannila*) «О переводах на финский язык художественной литературы, вышедшей в этом столетии» («*Tällä vuosisadalla ilmestyneen kaunokirjallisuuden suomenoksisista*). Русская литература упоминается в самом конце статьи. Из классиков автор называет только Д. Мережковского и Л. Толстого⁴³.

После окончания войны между Финляндией и СССР в 1944 г. страны начали налаживать сотрудничество в сфере культуры. В феврале 1945 г. Финляндию посетила делегация деятелей культуры из СССР, а осенью финны нанесли ответный визит. Сразу после войны вышло невиданное ранее количество переводов русской литературы на финский язык. Непродолжительный период расцвета пришёлся на 1945–1946 гг., когда доля переведённых с русского языка произведений приближалась к 20% от общего объёма переведённой на финский язык литературы⁴⁴.

В 1946 г. под редакцией поэта и литературоведа Лаури Вильянена (*Lauri Viljanen*, 1900–1984) и финляндского лингвиста русского происхождения Валентина Кипарского (*Valentin Kiparsky*, 1904–1983) вышла антология русской поэзии «Русская муза» («*Venäjäin runotar*»), включавшая такие стихотворения Пушкина в переводе Лаури Кемилляйнен, как «Элегия», «Для берегов отчизны дальней», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и др. Во вступительном слове редакторов представлен обзор русской поэзии от Пушкина до советских поэтов, а также анализ развития форм русского поэтического языка. Авторы отмечают, что русская поэзия вернулась к традиционному стихотворному размеру, а модернистские опыты начала столетия остались в прошлом⁴⁵.

В 1950-х гг. русская литература была представлена в основном переводами громко прозвучавших произведений: «Не хлебом единым» В. Дудинцева (1957), «Доктор Живаго» Б. Пастернака (1958) и романами М. Шолохова «Тихий Дон» (1956) и «Поднятая целина» (1959)⁴⁶.

В 1960-х гг. начали свою работу два самых плодотворных переводчика следующих десятилетий — Эса Адриан (*Esa Adrian*, 1939–2007) и Улла-Лииса Хейно (*Ulla-Liisa Heino*, род. 1934). Впереди были самые интенсивные в отношении

⁴² Jänis M., Pesonen P. *Venäläinen kirjallisuus*. S. 198–199.

⁴³ Ibid. S. 199.

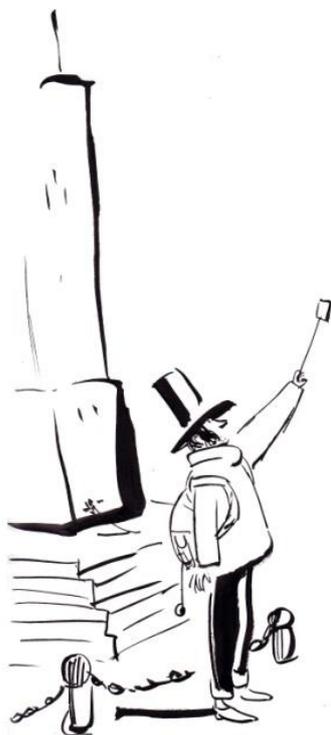
⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid. S. 200; Puškinista Peleveniin. S. 262.

⁴⁶ Jänis M., Pesonen P. *Venäläinen kirjallisuus*. S. 201.

переводов русской литературы на финский язык годы⁴⁷. Адриан и Хейно пришли на смену практически монополизировавшему русскую литературу переводчику ингерманландского происхождения Конкке (*Juhani Konkka*, 1904–1970), чьи переводы и доминирование в этом сегменте переводной литературы начали в 1970-х подвергаться критике. Так, классик финской литературы Мика Валтари (*Mika Waltari*, 1908–1979) в 1970 г. писал в своём дневнике о слабом уровне переводов русской литературы на финский язык, ссылаясь на переводы произведений А. Чехова, косвенно подразумевая таким образом переводы Конкки⁴⁸. Адриан, Хейно и Конкка — большие имена в истории переводной литературы Финляндии, однако сочинения Пушкина эти выдающиеся переводчики не переводили.

Классики русской литературы XIX в. активно переводились и переиздавались в течение 1970–1980-х гг. В 1990–2000-х гг. объёмы переводов русской литературы снизились до нескольких произведений в год, а перевод классиков практически прекратился⁴⁹. В период с 1992 по 2005 г. в Финляндии было опубликовано 179 наименований произведений, переведённых с русского языка, — либо переизданий, либо незначительных переработок старых переводов. Самыми

Пушкин
делает
селфи

популярными авторами в это время были Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов, Б. Акунин, Э. Успенский, Н. Гоголь и А. Маринина⁵⁰. Среди немногочисленных исключений — две долгожданные антологии поэзии Пушкина, выпущенные в год двухсотлетия поэта и представляющие собой новые переводы: «*Kertovia runoelmia*» («Поэмы», в том числе «Бахчисарайский фонтан», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Кавказский пленник», «Руслан и Людмила», «Медный всадник» и др.), переводчик Аарно Салева (*Aarno Saleva*), и «*Muistomerkki: runoja*» («"Памятник": стихи», в том числе «27 мая 1819», «Предчувствие», «Арион» и др.),

⁴⁷ Ibid. S. 202.

⁴⁸ Jänis M. Juhani Konkka (1904–1970) // Suomenoskirjallisuuden historia. Vol. 2. S. 475.

⁴⁹ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 203.

⁵⁰ Ibid. S. 204; Virtanen T. Venäläisen kaunokirjallisuuden kääntäminen ja julkaiseminen Suomessa Neuvostoliiton romahduksen jälkeen vuosina 1992–2005: Pro gradu -tutkielma. Tampere, 2006. S. 2. URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/94012/gradu01432.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (29.12.2019).

переводчики Илпо Тиixonен (*Ilpo Tiixonen*, род. 1950) и Юкка Маллинен (*Jukka Mallinen*, род. 1950)⁵¹.

В посвящённой Пушкину статье, опубликованной 29 декабря 1999 г. в главной газете Финляндии «Хельсингин Саномат» (*Helsingin Sanomat*), П. Песонен отмечает, что Пушкина на финском языке мало, а его поэзии до настоящего времени — не было вообще⁵². О том же пишет и доктор филологических наук, специалист по литературе Финляндии Е. Г. Сойни в своей монографии «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века» (2017): «К поэзии Пушкина финны обращались разве что с желанием узнать, что он писал о финнах, живших раньше на берегах Невы. Суло Халтсонен, опубликовавший в 1937 году, в столетнюю годовщину со дня гибели поэта, исследование о Пушкине, повторяет многих финских критиков XIX века, искавших в стихах Пушкина финские черты»⁵³.

Песонен так описывает празднование юбилейного года в Финляндии: «Юбилей Пушкина праздновали в Финляндии широко: специально учреждённая комиссия организовала торжества, министры произнесли речи, хоры и танцевальные коллективы выступили со своей программой, образовательные учреждения получили необходимые обучающие материалы». Комиссия также предложила Министерству образования Финляндии создать рабочую группу, которая бы контролировала процесс срочного перевода творчества Пушкина на финский язык. Песонен уверен, что, несмотря на факт существования этой гражданской инициативы, первые в истории финской литературы антологии поэзии Пушкина появились благодаря личной увлечённости переводчиков творчеством поэта. Илпо Тиixonен, выполнивший переводы на основе подготовленных Юккой Маллиненем подстрочников, составил своё представление о поэте: «Пушкин, по-видимому, был профессионалом, однако всё-таки не пророком. Он вечный, конечно, вследствие своих противоречий. В погоне за красотой ироничный, добрый, очарованный самим собой, серьёзный, любимый, негодяй, дамский угодник, наркоман, расчётливый, невыносимый, одним

⁵¹ Jänis M., Pesonen P. Venäläinen kirjallisuus. S. 203; Puškinista Peleveniin. S. 257–258.

⁵² Pesonen P. ”He sankaria seuraten löi, hakkas — kuole, mahometti!” // Helsingin Sanomat. 1999. 29. joulukuuta. URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000003852087.html> (27.09.2019).

⁵³ Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. С. 81.

словом — интересный». Переводы Тиixonена выполнены в духе этой характеристики, а потому, по мнению Песонена, являются живыми и читать их необходимо такими, какие они есть, пусть даже они не всегда совпадают с оригиналом — зато звучат своим голосом и как целое представляют собой ни на что не похожую классику. «*Muistomerkki: runoja*» — тоненькая книга из 93 страниц, стихотворения не датированы и отбирались по вкусу составителей-переводчиков⁵⁴.

По мнению Песонена, Тиixonену наиболее удалось короткие, интимные стихи. Критик отмечает также способность переводчика соединять классический размер и современную речь. Ритм и слово находятся в особенной гармонии в стихотворении «Осень» и маленьких любовных стихах, начисто лишённых архаичности⁵⁵.

В переведённом Аарно Салевой сборнике «*Kertovia runoelmia*» собраны все великие поэмы Пушкина, за исключение романа в стихах «Евгений Онегин». Эту работу Песонен называет «настоящим культурным свершением», а переводчика — «умелым и внимательным». Для Салевы главным было сохранить ритм и размер оригинальных произведений. Различия между языками составили основную проблему при решении задачи эквиритмичности, о чём переводчик сообщает во введении. Салева решает проблему, прибегая к архаичной лексике и грамматическим формам, что, как считает Песонен, невольно создаёт комический эффект. Салева по образованию филолог-классик, и его переводы, по мнению Песонена, вызывают те же вопросы, что и переводы, выполненные другими специалистами по античности: филологическая точность или живость? филолог или поэт? В конце статьи Песонен не оставляет надежды на то, что «живые» переводы Пушкина на финский язык ещё появятся, и цитирует Пушкина в переводе Тиixonена:

Ja liehuvat ajatukset päässä urhein elkein, И мысли в голове волнуются в отваге,
 ja riimit säntää niitä vastaanottamaan, И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
 ja sormet pyytää kynän, itseksensä melkein И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
 kirjoittaa — ja säkeet juoksee luonnostaan. Минута — и стихи свободно потекут.

⁵⁴ Pesonen P. ”He sankaria seuraten löi, hakkas — kuole, mahometti!”.

⁵⁵ Ibid.

Наряду с двумя антологиями поэзии Пушкина в период с 1992 по 2005 г. вышли переводы следующих произведений поэта: «Борис Годунов» (пер. Мартти Хянникяйнена, 2003), «Евгений Онегин» (пер. Лаури Кемиляйнена, 3-е изд., 1999) и сборник «*Romaanit ja kertomukset*» («Романы и повести», пер. Юхо Холло, пер. стихов Микко Килпи, 2-е изд., 2000)⁵⁶. В 2006 г. вышел перевод произведения «Путешествие

в Арзрум во время похода 1829 года», выполненный профессором русского языка и литературы, пушкиноведом Эрки Пеураненом (*Erkki Peuranen*, 1939–2006).

В 2013 г. в издательстве «Тамми» (*Tammi*) вышел роман писателя, поэта и большого знатока России Ханну Мякеля (*Hannu Mäkelä*, род. 1943) «*Pushkinin enkeli*» («Ангел Пушкина»). В предисловии автор сообщает, что все переводы на финский язык в романе, включая поэзию Пушкина, выполнены им самим, и заявляет: Пушкина, как и великого финского классика Алексиса Киви (*Aleksis Kivi*, 1834–1872), надо читать в оригинале.

muu rakentaa!

Разбор одного случая: переводы романа «Капитанская дочка» на финский язык

Как, цитируя Ю. Лотмана, указывает в своём исследовании Анна Левенберг, «Капитанская дочка» — самое глубокое и самое совершенное в художественном плане произведение Пушкина. На данный момент существует четыре перевода романа на финский язык. В переводах не наблюдается таких элементов, которые бы указывали на то, что они выполнены для обслуживания какого-либо политического или общественного заказа. Новые переводы не появлялись как ответ на требования политической ситуации и не использовались в идеологических целях. Они отличаются друг от друга в основном по стилю и переводческим стратегиям⁵⁷.

⁵⁶ Virtanen T. Venäläisen kaunokirjallisuuden kääntäminen ja julkaiseminen Suomessa... S. 97.

⁵⁷ Levenberg A. Uusi käännös, miksi sitä tarvitaan? Puškinin Kapteenin tytär ja sen neljä suomennosta: Pro gradu -tutkielma. Tampere, 2016. S. 7. URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/98601/GRADU-1456126063.pdf?sequence=1> (29.12.2019).

Три из четырёх переводов выдержали несколько публикаций. Первый востребован до сих пор. Все четыре перевода независимы, они не являются отредактированными версиями или обновлениями предыдущих переводов. Они верны оригиналу и не отражают личностные особенности переводчика⁵⁸.

Согласно теории нового перевода (ретрансляции) (*retranslation*), автор первого перевода, борясь за читательскую аудиторию, максимально доместицирует (одомашнивает) перевод, ориентируясь, таким образом, на читателя, в то время как авторы последующих переводов стремятся ко все большей форенизации, поскольку произведение уже знакомо принимающей культуре и в него можно включить чужеродные элементы, и ориентируются, таким образом, на исходный текст. В переводах «Капитанской дочки» наблюдаются следующие стратегии: доместикация, форенизация, опущение, замена и экспликация. Опущение использовалось всеми четырьмя переводчиками: Самули Суомалайненом (1876), Сири Ханникайнен (1935), Юусо Мустоненом (1946) и Юхо Холло (1962) (как мы видим, последние три перевода были сделаны внутри временного промежутка в 27 лет)⁵⁹.

Немецкие романтики, в особенности И. В. Гёте, в свою очередь, считали, что первый перевод — часто буквальный; затем следуют переводы, которые борются за читательскую аудиторию и меньше всего верны оригиналу; и только после них появляется идеальная версия, которая на долгое время останавливает поток новых переводов⁶⁰.

В постструктуралистской теории нарратива центральным является рассказывание заново в новом контексте, который включает нового толкователя, другой временной период, другой концептуальный подход, другой общественный заказ, новую целевую аудиторию и др.⁶¹

Рассматриваемые переводы «Капитанской дочки» появились в разных обстоятельствах. Общественно-политические условия в 1876 г. были иными, нежели в XX в., когда вышли остальные три перевода, которые можно объединить в одну группу переводов, выполненных после обретения Финляндией независимости.

⁵⁸ Ibid. S. 9, 37.

⁵⁹ Ibid. S. 9, 12, 26.

⁶⁰ Ibid. S. 12.

⁶¹ Ibid. S. 13.

С другой стороны, между 1935 и 1962 г. ситуация также поменялась кардинальным образом: в 1939–1940 и в 1941–1944 гг. СССР и Финляндия находились в состоянии войны. Сближение отношений началось в 1960-х гг.⁶²

В XIX в. происходило становление финского литературного языка как официального языка национального большинства в Финляндии. Язык переживал период стандартизации, и многие нормы того времени сегодня кажутся устаревшими. Перевод Суомалайнена является качественным и выполнен напрямую с языка оригинала, а не через язык-посредник, как многие переводы в то время. В XX в. финский язык развивался стремительно, чем можно объяснить необходимость в новом, втором, переводе, появившемся спустя 70 лет после первого⁶³. Однако поиск более удачной языковой эквивалентности больше не может быть объяснением для возникновения последующих переводов, вышедших вскорости после третьего — в 1946 и 1962 гг.⁶⁴

В романе Пушкин часто использует пословицы, поговорки, сказки, былины и песни с целью изобразить простой народ, крестьянский мир. В начале каждой главы даётся эпитафия, представляющая собой строки из сочинений поэтов-аристократов XVIII в. или из произведений народного творчества. Писатель показывает читателю два не пересекающихся друг с другом мира — мир аристократов и мир простого народа — и социальное противоречие между ними.

Ключом к решению этого противоречия Пушкин видит гуманность, человечность, потенциально свойственную, как показано в романе, представителям обоих классов. Романтическая идея милости, помилования, духовности — а не справедливости, как в традиции Просвещения — проходит через весь роман и подчёркивается эпитафиями из фольклора — творчества чистого душой народа. И если представители каждого из двух классов проявят человечность, как это сделали Гринёв и Пугачёв, взаимопонимание между классами будет достигнуто⁶⁵.

⁶² Ibid. S. 10.

⁶³ Ibid. S. 10, 26.

⁶⁴ Ibid. S. 27.

⁶⁵ Ibid. S. 36.

В романе «Капитанская дочка» больше пословиц и поговорок, чем в любом другом произведении Пушкина⁶⁶. По мнению Лотмана, пословицы и поговорки демонстрируют глубокую сущность народа. С их помощью Пушкин высказывает свои представления о причинах восстания Пугачёва. Фольклорные элементы в романе образуют единый исследовательский материал и основу размышлений Пушкина о характере русского народа, и на их основе можно построить выводы о том, что писатель на самом деле хотел сказать о ситуации в обществе. Итак, есть ли разница в том, как переводчики перевели фольклорные элементы в эпиграфах к главам романа? Действительно ли всегда необходимо переносить народный характер эпиграфа и в переводной текст и адекватно ли он переносится? Важно отметить, что народная речь в системе финского языка не значит то же самое, что в системе русского языка, в особенности в условиях реалий XVIII и XIX вв. В финском языке существуют различные диалекты, в то время как русский язык (литературный язык, общелитературный язык) просто очень вариативен, а диалектные различия незначительны⁶⁷.

Первая пословица предваряет все произведение и является эпиграфом ко всему роману. Задача данного эпиграфа заключается в направлении читателя в чтении и толковании романа. Пушкин эффектно использует такое вступление, чтобы подчеркнуть важность сохранения чести представителями аристократии⁶⁸.

Поняли ли переводчики роль и смысл этого фольклорного элемента, и какие стратегии применили? Проанализируем переводы пословицы с точки зрения восприятия их носителем русского языка.

Оригинал:

«Береги честь смолоду».

Переводы:

1. Самули Суомалайнен: эпиграф к роману отсутствует.
2. Сири Ханникайнен: «Säilytä maineesi pienestä pitäen» (букв. «Сохрани репутацию с малолетства»).
3. Юусо Мустонен: «Vaali mainettasi nuoruudesta lähtien. Sananlasku» (букв. «Береги репутацию начиная с молодости. Пословица».)
4. Юхо Холло: «Varjele kunniasi nuoruudesta alkaen. SANANPARSI» (букв. «Береги честь начиная с молодости. ПОГОВОРКА»)⁶⁹

⁶⁶ Ibid. S. 66.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid. S. 67.

⁶⁹ Переводы цит. по: Ibid.

Самули Суомалайнен опустил первый эпиграф. У остальных трёх переводчиков концепт чести переведён на финский язык двумя словами: *maine* и *kunnia*. *Maine* в финском языке означает прежде всего репутацию и славу и ассоциируется с обществом. Без оценки одного человека другим нет *maine*. Слово подразумевает известность — это хорошая молва о человеке, популярность. *Maine* относится к феноменальному миру. *Kunnia* означает понятие более высокого порядка, это морально-нравственный концепт чести, апеллирующий к совести и носящий непреходящий характер. *Kunnia* добывается подвигами, великими заслугами, мудростью, и потерять её — непоправимая трагедия. Для русскоязычного мира честь — это концепт, означающий высокую духовность. Переводить его на финский язык словом *maine* неверно, т. к. при таком переводе утрачивается трансцендентальная природа понятия. Фатальный характер эпиграфа усиливается усечённостью формы, лишённой указывающей на вещный мир параллельной части: «Береги (платье снова, а) честь смолоду».

Что касается падежа прямого дополнения (честь), в переводах также наблюдаются различия. Сири Ханникайнен и Юхо Холло выбрали аккузатив, обозначающий завершённость действия и тотальность объекта, в то время как Юусо Мустонен остановился на партитиве, обозначающем продолжающийся характер действия и, таким образом, отсутствие результата, т. к. действие не завершено. В русском языке отношения результативности/нерезультативности и завершённости/незавершённости выражаются видом глагола (совершенный, несовершенный). В оригинале используется форма несовершенного вида, означающая непрерывающийся характер действия — действие длится всю жизнь («береги», а не «сбереги»), что передано эквивалентно только в третьем переводе. Кроме того, переводчики выбрали разные глаголы: *säilyttää* (сохранять в целостности, количественно и статично, законсервировать, ср. *säilytyslokero* ‘камера хранения’ и однокоренной глагол *säilöä* ‘консервировать’), *vaalia* ‘беречь’ (ср. *vaalia arvoja* ‘беречь ценности’), *varjella* ‘охранять от опасности’ (ср. *Jumala varjelkoon* ‘боже сохрани, боже избавь’). Глагол *säilyttää* семантически указывает в первую очередь на нечто вещное, конкретное или же означает ‘сохранить, не растерять, не утратить’ применительно к абстрактным понятиям (ср. *säilyttää rehellisyytensä* ‘сохранить честность; остаться честным, будучи таковым изначально’); глагол *vaalia* указывает на бережное отношение к чему-то абстрактному, глагол экспрессивен, апеллирует к эмоциям

и стилистически окрашен (возвышенный стиль); глагол *varjella* подразумевает опасность и защиту от неё. Проанализируем коллокацию «беречь честь». Честь — абстрактное понятие. Глагол *säilyttää* подразумевает в коллокации сохранение уже имеющейся чести в целостности (ср. использование аккумулятива). Глагол *vaalia* указывает на бережное отношение к чести, заботу о ней, длящуюся всю жизнь; указание на активную угрозу извне отсутствует. Глагол *varjella* указывает на наличие явной активной внешней опасности, угрозы и подразумевает противостояние, требующее волевых усилий и стойкости духа. Учитывая контекст, в который помещена коллокация, — сюжет произведения, четвёртый перевод оказывается наиболее эквивалентным на уровне словосочетания, поскольку является по сути своей предостережением.

Разберём перевод обстоятельства «смолоду», чтобы выявить наиболее эквивалентный перевод. Сири Ханникайнен использует словосочетание *pienestä pitäen* ‘с малолетства’. Обратный буквальный перевод её текста следующий: «Сохрани репутацию с малолетства» (в значении «унаследуй с малолетства и пронеси сквозь жизнь»). Фраза звучит комично, поскольку репутация (слава, известность) приобретает с опытом, в результате определенных достижений и поведения. Дети же невинны, а их поведение и характер меняются с возрастом, т. е. не статичны.

Перевод Юусо Мустонена «*Vaali mainettasi nuoruudesta lähtien*» — «Береги репутацию начиная с молодости» содержит словосочетание «начиная с молодости». Перевод обстоятельства семантически эквивалентен обстоятельству в оригинале. Однако в переводе, вследствие выбора глагола *vaalia*, отсутствует атмосфера напряжённости и конфликта, а лексема *maine* придает высказыванию имманентный характер.

Перевод Юхо Холло всего предложения «*Varjele kunniasi nuoruudesta alkaen*» — «Береги честь начиная с молодости» наиболее концептуально близок оригиналу, поскольку перевод и прямого дополнения, и обстоятельства семантически эквивалентен исходному тексту. Однако на формальном уровне, так же, как и в переводе Сири Ханникайнен, наблюдается аграмматизм. Глагол *varjella* имеет фреквентативный суффикс *-ele-* (*varjele-*), указывающий на повторяемость, продолжительность действия и требующий партитивной формы прямого дополнения, указывающей на отсутствие результата, однако для прямого дополнения Холло выбирает результативный аккумулятив, который, в свою очередь, не сочетается с указывающей на длящееся действие послеложной формой *alkaen* ‘начиная с’. Тот же парадокс содержится и в переводе Сири Ханникайнен: результативный аккумулятив прямого дополнения противоречит обстоятельству, включающему послеложную форму *pitäen* ‘с (начиная с)’. С грамматической точки

зрения третий перевод, принадлежащий Юусо Мустонену, является наиболее корректным.

В оригинале Пушкин указывает жанр, в котором представлен эпиграф, — это пословица. Первая буква текста прописная, остальные — строчные, и весь текст выделен курсивом. Во втором переводе эта информация опускается, как и точка после самой пословицы. В третьем переводе дано верное определение жанра, курсив убран. В четвёртом переводе название жанра переведено как «поговорка», что терминологически неверно, и весь текст набран прописными буквами.

Какой же перевод наиболее удачен? Современные теория и практика перевода, описывая эволюцию вопроса, констатируют переход от статической эквивалентности (семантического, эквивалентного перевода) к динамической (функциональный, коммуникативный, адекватный перевод). Задача переводчика заключается не в поиске эквивалентов в переводящем языке, а во вписывании переводимого текста в принимающую культуру таким образом, чтобы переводческая коммуникативная цель (скопос), т. е. идентичность эффекта, оказываемого оригинальным текстом и переводом на читателя, была достигнута. Применима ли скопос-теория к экспрессивным текстам, к которым относится художественная литература? Ведь тексты этого типа не поддаются унификации и содержат концепты, которые требуют переноса в принимающую культуру в первую очередь, иначе коммуникация не состоится или будет неполной. Ответ на этот вопрос предлагает в том числе гипотеза ретрансляции, т. е. выполненного заново перевода, когда каждый последующий перевод пытается исправить неточности именно концептуального характера, свойственные предыдущим переводам.

Если вернуться к разобранным выше трём переводам эпиграфа к роману «Капитанская дочка», можно увидеть, что гипотеза ретрансляции в этом случае подтверждается. Сири Ханникайнен была первой, кто перевёл эпиграф (в 1935 г.). Ей не на что было опереться при принятии переводческого решения, т. к. в предыдущем переводе 1876 г. эпиграф был опущен. Юусо Мустонен в 1946 г. попытался исправить смысловую неточность предыдущего перевода, заменив глагол. Однако существенного изменения в послании не произошло. Вполне вероятно, что решение перевести роман ещё раз было продиктовано обнаружением переводчиком Юхо Холло концепта «честь» и осознанием того, что предыдущим переводам не удалось передать этот концепт финскому читателю вследствие неправильного выбора эквивалентов. Холло смог почувствовать духовность, заключённую в первом эпиграфе и определяющую идею всего произведения, а значит, настроить читателя на нужный лад.

Переводческая деятельность профессора Юхо Холло (*J. A. Hollo*, 1885–1967) характеризуется удивительной стремительностью и продуктивностью. Он быстро

получил диплом магистра, после чего работал школьным учителем в том числе в городах Вааса и Хельсинки. В 1919 г. Холло защитил диссертацию на тему «Воображение и его развитие» (1918–1919, ч. I–II) и в следующем году получил звание доцента педагогики. В 1920–1925 гг. учился за границей. Холло активно занимался литературной критикой. Многие из критических эссе Холло посвящены авторам и произведениям, которые он сам перевёл на финский язык: «Дон Кихот» (перевод 1927–1928 гг.), книги Дж. Свифта, И. В. Гёте, Ч. Диккенса, Ф. Достоевского и А. Франса. В своих сочинениях Холло рассматривал в том числе вопросы интертекстуальности переводов и взаимопроникновения ролей переводчика и поэта⁷⁰.

Большое количество переведённых Холло работ касаются педагогики и философии. Так, он перевёл, например, сочинения И. Г. Песталоцци и Марии Монтессори. Из философов Холло переводил в том числе А. Бергсона, С. Кьеркегора, Й. В. Снельмана, Б. Рассела, Р. Декарта, Платона и Ф. Ницше. В области художественной литературы Холло перевёл целый ряд признанных классическими произведений и тем самым сделал их доступными финскому читателю. К ним относятся, например, «Тысяча и одна ночь» (1930), «Красное и черное» Стендаля (1956), «Кандид» Вольтера (1953), «Манон Леско» Аббата Прево (1954) и «Золотой осёл» Апулея (1957). Холло работал очень быстро, что в основном не сказывалось на качестве его переводов. Так, роман Гёте «Избирательное сродство» объёмом 350 страниц Холло перевёл за 30 дней. Этот перевод, вышедший в 1923 г. в издательстве «Отава», был опубликован без изменений ещё два раза — в 1932 и 1967 гг.⁷¹

Для издательства *WSOY* Холло перевёл «Преступление и наказание» Достоевского (1922) и «Войну и мир» Толстого (1924). Его переводческая работа количественно является одной из самых обширных в Финляндии, а в качестве личного достижения одного переводчика объём переведённых Холло произведений, очевидно, наибольший в стране: в 1953 г. он сам оценил, что перевёл за 40 лет около 170 книг. Позже вышло ещё 46 переводов. Таким образом, общее число переводов составляет 220–300 наименований. Точное число переводов, выполненных Холло, однако не известно. Предпосылкой такой плодотворной работы была увлечённость Холло множеством иностранных языков — он переводил с шестнадцати языков. По собственному признанию в интервью, с наибольшим удовольствием Холло переводил с романских языков и русского⁷².

⁷⁰ Kovala U. J. A. Hollo (1885–1967) // *Suomennoskirjallisuuden historia*. Vol. 1. S. 587.

⁷¹ Ibid. S. 588.

⁷² Ibid. S. 589.

В послевоенных переводах Холло заметны гуманистический интерес к истории и философии жизни, а также предпочтение Ренессансу и Античности. Его любимыми писателями были Достоевский и Гёте. Качество переводов Холло в основном снискало похвалу. Даже самые ранние из них до сих пор более актуальны, чем переводы его современников в среднем. Многие его переводы переизданы в 1990-х гг. и на рубеже XXI в. Хотя некоторые из переведённых им произведений были переведены заново, например «Война и мир», «Преступление и наказание» (оба — Эсой Адрианом) или «Манон Леско» (Уллой Суммала). У Холло тоже не всегда все получалось. В своей рецензии на выполненный Эсой Адрианом перевод романа «Война и мир» литературовед Пекка Таркка (*Pekka Tarkka*) продемонстрировал на конкретных примерах, что в переводе Холло диалоги лишены стилистической вариативности, столь важной для текстов Толстого, который стремится к «индивидуализации языкового выражения» своих героев. Переводы Холло изобилуют также русизмами, которые исказили образ русской литературы, существующий в Финляндии. Особенно много их в обращениях⁷³. Например, только Холло переводит используемое в романе «Капитанская дочка» обращение «ваше благородие» как *teidän jalosukuisuutenne*, т. е. методом кальки. В то время как другие переводчики выбрали знакомые финскому читателю обращения *hyvä herra* («уважаемый господин») и *teidän ylhäisyytenne* («ваше высочество»). Холло учитывал смысл слова и переводил прежде всего именно его. Эти решения можно критиковать как слишком громоздкие, устаревшие и т. д., но такая стратегия гарантирует достижение содержательной эквивалентности. Ему были свойственны склонность к форенизации, желание быть ближе к оригинальному тексту и стремление принимать новаторские переводческие решения⁷⁴.

В переводах Холло отчётливо слышен «собственный голос»⁷⁵. С одной стороны, это свидетельствует об уверенном подходе к переводу и переводимому тексту и об определённой динамичности переводческих решений. С другой стороны, собственный голос переводчика может заглушить голос произведения. Филолог-классик Тейвас Оксала (*Teivas Oksala*, 1936–2018) заметил, что «Холло — наш великий переводчик — переводит Платона, Фукидида и Сенеку в том же стиле, что и все свои остальные сто переводческих работ», а не в стиле соответствующих авторов. В качестве переводов Холло можно заметить также некоторую нестабильность. Но несмотря ни на что, переводческий стиль Холло последователен и в основном актуален и по сей день. В 1985 г. был опубликован дневник Холло «Странствие души» («*Sielun vaellus*»), который хорошо освещает

⁷³ Ibid. S. 590.

⁷⁴ *Levenberg A.* Uusi käänös, miksi sitä tarvitaan? S. 80.

⁷⁵ *Kovala U. J. A.* Hollo (1885–1967). S. 590.

особенности личности этого одинокого труженика. Наиболее впечатляющим в дневнике являются свидетельства невероятной трудоспособности и глубоко укоренившейся в личности автора трудовой философии, выраженной в афоризме, который Холло записал в 1965 г.: «Ограниченное время ускоряет творческую работу, неограниченное — останавливает её. Это определяет ценность заказанных произведений искусства». Переводил же Холло по ночам — днём он работал в университете⁷⁶.

Пример перевода

А. С. Пушкин, «В степи мирской, печальной и безбрежной» («Три ключа») (1827). Пер. на финский язык Оску Велхо (*Osku Velho*, 1895–1917), цит. по: [*Velho O.*] ”Umpimähkään”: O. Velhon elämäntyön pirstaleita. Porvoo, 1922. URL: https://fi.wikisource.org/wiki/Kolme_1%C3%A4hdett%C3%A4 (29.12.2019).

Три ключа

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

Kolme lähdetä

Elämän aromaalla aukealla
salassa kolme soluu lähdetä.
Siell' lähde nuoruuden soi pauhinalla,
tuo kuohuvainen, vaahdon-välkkyvä.
Ja runon lähde tarjoo lohdutusta,
kun elon mailla kuljet harhaten,
Mut unhon lähde, kylmä, kolkko, musta,
sydämen tulta jäähtää parhaiten.

Список литературы

Вихавайнен, Т. Столетия соседства : размышления о финско-русской границе / Т. Вихавайнен ; [пер. А. И. Рупасова]. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — 248 с. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=16121#t20c>. — (29.12.2019).

Карху, Э. Г. Финляндская литература и Россия: 1800–1850 / Э. Г. Карху. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1962. — 343 с.

Сойни, Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века / Е. Г. Сойни. — М.: Языки славянских культур, 2017. — 464 с.

⁷⁶ Ibid. S. 591.

Puškinista Peleveniin : venäläisen kaunokirjallisuuden suomennosten bibliografia 1876–2007 / B. Hellman. — Helsinki : Yliopistopaino, 2008. — 410 p.

Jänis, M. Venäjästä suomeksi ja suomesta venäjäksi / M. Jänis. — Helsinki : Gummerus Kirjapaino, 2006. — 194 p.

Jänis, M. Juhani Konkka (1904–1970) / M. Jänis // Riikonen, H. K. Suomensuomen kirjallisuuden historia / H. K. Riikonen, U. Kovalo *et al.* — Helsinki : SKS, 2007. — S. 473–476.

Jänis, M. Venäläinen kirjallisuus / M. Jänis, P. Pesonen // Suomensuomen kirjallisuuden historia / toim. H. K. Riikonen, U. Kovalo *et al.* — Helsinki : SKS, 2007. — Vol. 2. — S. 189–205.

Kivistö, S. Samuli Suomalainen (1850–1907) / S. Kivistö, O. Palolposki // Suomensuomen kirjallisuuden historia / toim. H. K. Riikonen, U. Kovalo *et al.* — Helsinki : SKS, 2007. — Vol. 1. — S. 207–211.

Kovala, U. J. A. Hollo (1885–1967) / U. Kovala // Suomensuomen kirjallisuuden historia / toim. H. K. Riikonen, U. Kovalo *et al.* — Helsinki : SKS, 2007. — Vol. 1. — S. 587–591.

Levenberg, A. Uusi käänös, miksi sitä tarvitaan? Puškinin Kapteenin tytär ja sen neljä suomennosta : pro gradu –tutkielma / A. Levenberg. — Tampere : Tampereen yliopisto, 2016. — 107 s. — URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/98601/GRADU-1456126063.pdf?sequence=1>. — (29.12.2019).

Majamaa, R. Lönnrot, Elias (1802–1884) / R. Majmaa // Kansallisbiografia [Электронный ресурс] — 1997. — 16. Syyskuuta. — URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2836>. — (30.09.2019).

Pesonen P. ”He sankaria seuraten löi, hakkas — kuole, mahometti!” / P. Pesonen // Helsingin Sanomat. — 1999. — 29. joulukuuta. — URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000003852087.html>. — (27.09.2019).

[Velho, O.] ”Umpimähkään” : O. Velhon elämäntyön pirstaleita / O. Velho. — Porvoo : WSOY, 1922. — 110 s. — URL: https://fi.wikisource.org/wiki/Kolme_l%C3%A4hdett%C3%A4. — (29.12.2019).

Vihavainen, T. Tatjana / T. Vihavainen // Vihavainen [Электронный ресурс]. — 2015. — 4. maaliskuuta. — URL: <http://timo-vihavainen.blogspot.com/2015/03/tatjana.html>. — (29.12.2019).

Virtanen, T. Venäläisen kaunokirjallisuuden kääntäminen ja julkaiseminen Suomessa Neuvostoliiton romahduksen jälkeen vuosina 1992–2005 / T. Virtanen : Pro gradu –tutkielma. — Tampere : Tampereen yliopisto, 2006. — 109 s. — URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/94012/gradu01432.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. — (29.12.2019).

Ylioppilasmatrikkeli 1853–1899 // Helsingin yliopisto [Электронный ресурс]. — URL: <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=20380>. — (29.12.2019).

